

Пушкин А. Сочинения. Л., 1924.

Пушкин А. С. Египетские ночи // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948.

Segal D. Осип Мандельштам: история и поэтика. Ч. I. Кн. 1–2 // Slavica Hierosolymitana. Vol. VIII–IX. Berkley — Jerusalem, 1998.

Сочинения А. С. Пушкина. Издание восьмое. Исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. Том четвертый. М., 1882.

Сун Юн П. Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008.

Сурат И. З. Мандельштам и Пушкин. СПб., 2009.

Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990.

Ronen O. An approach to Mandel'shtam. Jerusalem, 1983.

Кошелева М.В. (Екатеринбург)

**Жанр утопии в произведениях Василия Яновского
(на примере романа «По ту сторону времени»)**

Жанр утопии за годы своего существования был изучен с разных точек зрения. На сегодняшний день в науке есть многочисленные философские, социологические, культурологические, исторические исследования, которые накладывают отпечаток на рассмотрение утопии с филологической точки зрения. В нашей работе нас будет интересовать именно литературная утопия, которую мы рассмотрим на примере романа Василия Семеновича Яновского «По ту сторону времени».

В.С. Яновский – писатель, принадлежащий младшему поколению первой русской эмиграции. В десятилетнем возрасте он столкнулся с революцией, пережил потерю матери, все ужасы разрухи, нищеты, отчаяния, страха. Яновский вынужденно оказывается в Польше, затем Париже, а после в Нью-Йорке, где и заканчивает свою жизнь.

«По ту сторону времени» – это одно из первых произведений Яновского, написанное в 1967 году на русском языке, но переведенное и опубликованное на английском для увеличения числа читателей. В это время автор уже живет и работает врачом - анестезиологом в Нью-Йорке.

Главный герой – Корней Ямб, авантюрист, предводитель небольшой группировки, отправляется на поиски богатого наследника, «сына немецкого миллионера (еврея), которого родители во времена Гитлера вынуждены были подкинуть «арийцам»» [Яновский 2000: 61], в сторону Больших Озер, чтобы доставить его живым в Чикаго и получить вознаграждение за проделанную работу. Ямб находит наследника по имени Бруно в небольшом селении, где его называют Мы и тщательно оберегают, считая великим философом.

В романе «По ту сторону времени» мы можем найти черты, свойственные утопическим текстам.

Строгого определения литературной утопии нет, хотя как художественное явление она существует еще со времен Ренессанса. «При определении утопии составители литературных энциклопедий и словарей очень часто впадают в две крайности. Одна крайность отражается в чересчур широких формулировках, положения которых могут уточняться в самой статье и приводимыми примерами. Открытые интерпретации понятия неизбежно размыкают рамки литературной традиции до бескрайности, и категория «утопических» текстов заполняется любыми фантастическими и общественно-политическими проектами. Другая крайность дает о себе знать в определениях, изобилующих уточнениями, которые носят сугубо индивидуальный и даже случайный характер» [Шадурский 2007: 32]. Более того, «сам термин «литературная утопия» не всегда воспринимается как теоретическая категория художественной литературы. Диапазон анализируемых утопических произведений настолько широк, что термин, да и сама сущность литературной утопии, затмевается нефилологическими парадигмами» [Файзрахманова 2010: 136].

Тем не менее, исследователи выделяют ряд признаков, традиционно встречающихся в утопических текстах, что позволяет определить литературную утопию как самостоятельное жанровое явление. Именно их устойчивость и повторяемость формирует единую универсальную картину утопии.

Одним из таких признаков является замкнутость пространства, изолированность, пространственно-временная удаленность. В романе Яновского «По ту сторону времени» такая удаленность отражается уже в названии. В самом же тексте перед нами появляется «поселок, расположенный на довольно ровной площади, [который] был окружен грядой покрытых лесом холмов. Посередине селения простирался прямоугольником ровный зеленый пустой луг – вроде огромного пруда, обрамленного рядом мирных строений. Там, дальше, тянулся сплошной бор, изрытый оврагами и ущельями, по которым стекали ручьи, собираясь в реки и озера или образуя стоячие пруды и болота. <...> Еще дальше горы, поросшие гигантской хвойной растительностью. Площадь производила впечатление расчищенной в бору; девственный лес хотя и отступил, но беспрерывно давал о себе знать, как, впрочем, и бурные воды, которые при весеннем разливе, должно быть, подступали к самому горлу очагов, угрожая существованию поселенцев» [Яновский 2000: 21 - 22].

Таким образом, Яновский создает своеобразный проект идеального города, близкий по своему устройству античным текстам. Стоит обратить внимание и на строгую соразмерность и симметричность селения, в центре которого стоит церковь и молитвенный дом, защищая жителей от чуждого мира природы, окружающей селение, создавая тем самым ощущение сакрализации данного пространства.

Селение, созданное Яновским, имеет четкую геометрическую основу, что отражает социальную картину жизни, символизирует однородность, регламентированность, установленную форму правления: «строения тянулись вокруг большого луга; большинство жилых домов стояло по одну сторону этой поляны; по другую – находились мастерские и склады (оттуда доносился шум молота, плеск падающей воды, визг пилы). Церковь, очевидно, разделяла эти два вида построек. А напротив молитвенного дома, за последней, четвертой стеной прямоугольника начинался лес, виднелись плотины и темнели крытые мосты, похожие на фургоны» [Яновский 2000: 22].

В это утопически устроенное селение не так просто попасть, если не знаешь дороги. В классической утопии герой либо случайно попадает в этот мир, либо появляется проводник. Яновский не уходит далеко от классических образцов и вводит героиню, которая встречает путешественника и показывает ему дорогу в селение.

«– Куда ты? – очень трезво и удивленно осведомилась она. – Нам сюда.

Корней повернул направо, и «меркури» начал из последних сил карабкаться по круче: фары вырвали из мрака хоровод фруктовых деревьев в провинциальных белых уборах. Вскоре выступили сбоку темные прочные строения, бревенчатый настил заскрипел под колесами: снизу мерный шум воды. Они выехали на расчищенную площадку и уперлись в огромный, крытый драницей амбар с настезь распахнутыми сквозными воротами. (...) Ямб включил было снова фонари, но женщины жарко шепнула:

– Не надо, милый, дай руку. Он послушно побрел, спотыкаясь, точно с завязанными глазами» [Там же: 11].

Она же впоследствии показывает герою селение и защищает от местных жителей, не желающих признавать его своим. Интересно, что народ успокаивается лишь после того, как узнает, что это муж Ипаты, а значит, часть этого общества.

При знакомстве с селением мы замечаем довольно ритуализированный, устоявшийся мир, где все подчиняется одним законам: «по утрам надо трудиться, изучать математику или теологию, а вечером, на досуге, за стаканом сидра, можно и пофилософствовать» [Там же: 23]. «Улыбаясь, по-старинному кланялись мужики в блузах и фартуках и бабы, одетые в оперные корсажи, чепцы. Утром выходили на нерентабельные работы; аккуратно прерывали занятия в полдень и вечером (когда мычала скотина и тянуло декоративным дымком).

В сумерки высекали огонь, зажигали самодельные разноцветные свечи или грубые керосиновые лампы; в печи пылали сухие поленья. Ставили на стол пахучие, густые, требующие внимания яства.

Народ при встречах держал себя любезно, с оттенком родственной непринужденности; обстоятельно и с достоинством отвечал на вопросы» [Яновский 2000: 36]. А по воскресеньям все жители отправлялись в молитвенный дом славить Господа.

В утопических произведениях, как и в произведении Яновского, «нет психологически разработанных характеров персонажей» [Ануфриев 2002: 50], поэтому жители селения кажутся статичными, интеллектуально и эмоционально недвижими.

В тексте Яновского появляются герои, отличающиеся от остальных своими взглядами и готовностью к диалогу. Это молодая девушка Янина и Бруно. Именно эти герои решаются покинуть поселок вместе с путешественником Конрадом и отправиться в Чикаго за новой жизнью. И этим побегом героев Яновский отходит от жанрового канона классической утопии, превращая описанный им мир в антиутопию, где нет никакого развития, взгляды жителей, молитвы кажутся устаревшими или совершенно непонятными, а отсутствие в нем молодежи – верный знак скорого исчезновения.

Но удавшийся побег героев не приводит их к новой жизни и счастью, которое они искали. Напротив, Бруно и Янина погибают в большом городе, что показывает невозможность синтетического слияния утопического и реального миров. Ввиду этого закономерной кажется и трагическая гибель детей Янины и Конрада.

Потерянный, истерзанный, опустошенный, столкнувшийся с разочарованием в любви (образ Янины перестает быть для него столь желанным и притягательным в большом городе) Конрад видит во сне «три пары любящих, понятливых и загадочных глаз. И он жадно смотрит в ответ, точно стараясь проникнуть через дымную завесу. Лица у родных милые, будничные, ясные, усталые, но глаза – неподвижные, тихие, молчаливые, точно боящиеся поведать всю правду...» [Яновский 2000: 178]. Герой понимает, что «это глаза из селения» [Там же: 178]. Неожиданным оказывается решение Конрада вернуться в небольшое селение в финале романа. Мы чувствуем совершенно иную интонацию повествования. Возникает некая идеализация этого мира, в котором герой находит спасение. «Даже жители селения ему теперь представлялись милыми, добрыми, понятливыми, чуть ли не родственными существами. В самом деле, вернуться назад: там он себя чувствовал как дома!» [Яновский 2000: 179].

Возвращение героя, изначально принадлежащего к реальному миру в мир утопический, – нарушение жанрового канона классической литературной утопии, где путешественник являлся лишь временным гостем. Возможно, такой финал связан с трагической судьбой самого Яновского, которому пришлось покинуть Россию, затем Париж, который он считал своей духовной родиной, и искать свое место на протяжении всей жизни.

В заключении мы можем сказать, что роман Яновского «По ту сторону времени» содержит в себе черты классической литературной утопии, но не является традиционным воплощением этого жанра.

Литература:

Ануфриев А.Е. Утопия и антиутопия в русской прозе первой трети XX века: эволюция, поэтика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2002. С. 50.

Денисова Т.Н. Историзм и антиутопия // История зарубежной литературы XX века / Под ред. Л.Г. Михайловой и Я.Н. Засурского. М.: ТК Велби. 2003. С. 134.

Каракан Т.А. О жанровой природе утопии и антиутопии // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1992. Вып. 2. С. 159.

Софронова Л.А. Об утопии и утопическом // Утопия и утопическое в славянском мире: сб. ст. Отв. Ред. Л.А. Софронова и Н.М. Куренная; Ин-т славяноведения РАН. М.: Издатель Степаненко, 2002. С.10.

Файзрахманова А.А. Типология жанра литературной утопии. // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 136-145.

Чернышева Т. О художественной форме утопии // Поэтика русской советской прозы. Иркутск, 1975. С. 24.

Чернышева Т. Природа фантастики. Иркутск, 1984. С. 311.

Шадурский М.И. Литературная утопия: к вопросу о теории жанра. // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Пятых Андреевских чтений. / Под ред. Н.Н. Андреевой, Н.А. Литвиненко и Н.Т. Пахсарьян. М., 2007. С. 30-37.

Яновский В.С. По ту сторону времени. – Собр. соч.: в 2 т. – М.: Изд-во «Гудъял-Пресс», 2000. Т. 2. 496 с.

Gerber R. Utopian Fantasy: A Study of English Utopian Fiction since the End of the 19th Century. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 121.

Кучумова Р.Г. (Екатеринбург)

Жанровые и сюжетные интертекстуальные взаимодействия произведений М.Веллера и Н.Гоголя

Понятие «интертекстуальность»- одно из основных в современном литературоведении. Читая произведения, написанные в последние два десятилетия, мы узнаем коды, сюжеты, фрагменты, героев, проблематику, с которыми уже встречались прежде. Сегодня актуально говорить об интертекстуальном анализе произведений, опираясь на сопоставление текстов. Р. Барт писал: «Каждый текст является интертекстом; Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат». [Хализев]

Ярким примером интертекстуальности являются тексты М. Веллера. Остановимся на «Легендах Невского проспекта», вышедших в 1994 году в Эстонии. Предмет нашего исследования - рассказ М.Веллера «Ревизор».

Н.Гоголь обратился к жанру комедии, предполагающей сатирический, обличительный пафос, решив собрать в «Ревизоре» «все дурное